

Се Цзин и Чжоу Чжэнь тоже отправились, но он ещё не успел встретиться с Хэ Сянем, как уже вступил в состязание по выпивке с человеком, чьё лицо излучало порочную ауру.

Неизвестно, сколько именно они выпили, но в конце концов счёт оплатил тот человек, и к концу оба уже были изрядно пьяны, начав называть друг друга братьями.

Его новый «брат» заявил, что учёные-консерваторы — самое отвратительное, что есть на свете, и что, будь то чжуаньюань или баньянь, в правительстве они только создают клики и шумят, не принося пользы. Чем больше он говорил, тем сильнее раздражался, в итоге прямо обвинив учёных мужей в том, что они «пустыми разговорами губят страну».

В Башне «Тайбай приглашает луну» в тот день было полно учёных, приехавших на весенние экзамены. Его предыдущие нелепые речи можно было проигнорировать, но слова о «пустых разговорах, губящих страну» били в самую суть их стремлений, что было уже невыносимо. Вот так и начался спор.

Тот человек сказал:

— Я, Ли Сяньда, драку приму, а спорить — иди к моему брату.

Се Цзина вытолкнули вперёд.

Чжоу Чжэнь куда-то исчез, здесь его почти никто не знал. Се Цзин, смиренно извинившись, попытался уладить конфликт, но учёные не отступали. Не сумев добиться мирного разрешения, ему пришлось вступить в словесную дуэль с целой толпой конфуцианцев. Когда те поняли, что не могут переубедить его, они начали звать подмогу.

Когда Се Цзин немного протрезвел, он уже участвовал в состязании по составлению парных стихов с молодым человеком приятной наружности.

Несколько пар, предложенных тем молодым человеком, были настолько сложными, что их можно было назвать абсолютными, и Се Цзин не смог подобрать к ним безупречных ответов, лишь с трудом поддерживая игру. Однако молодой человек начал внутренне удивляться.

Се Цзин, будучи в таком опьянении, не сдерживался, говоря всё, что приходило в голову, и в результате его высказывания не уступали по силе. Присутствующие учёные поняли, что этот человек обладает выдающимися способностями, и у них появилось желание с ним познакомиться. Направление разговора изменилось, и Се Цзин с радостью принял предложение.

Он снова напился с учёными.

Когда он окончательно протрезвел, уже миновало время шэнь. Чжоу Чжэнь, стоя рядом, с отвращением прикрыл нос и рот:

— Ты знаешь, кто был тем, с кем ты только что общался?

Это был первый раз, когда Се Цзин увидел Хэ Сяня.

Чжоу Чжэнь сказал:

— Девятое число сегодняшнего месяца прошло не зря. Совпав с праздником цветов, насладившись стихами и вином по настроению, разве это не прекрасно? Не хватает только

прекрасной дамы.

Се Цзин, выиграв вино у Ли Сяньды и справившись с парными стихами Хэ Сяня, хотя весенние экзамены ещё не начались, уже почувствовал нечто вроде «за один день увидел все цветы Чанъани».

— Тогда сегодня я отправлюсь искать такую.

Его сознание было затуманено, он вскочил на коня, взмахнул кнутом и направился напрямик к реке на востоке города, оставив Чжоу Чжэня на месте покачивать головой.

Так начался его эпизод с князем Ци.

Когда он протрезвел, его охватила некоторая тревога, но, к счастью, князь Ци не стал его преследовать, и Се Цзин смог спокойно сдать экзамены, более того — стал чжуаньюанем.

Шутку о сватовстве, которую он тогда бросил, естественно, больше не вспоминали, узнав статус князя Ци. Однако в душе он был глубоко благодарен князю за его великодушие.

Позже, когда кто-то говорил, что князь Ци высокомерен и жесток, Се Цзин всегда вступался за него. Князь Ци, прослышав об этом откуда-то, смеялся:

— Спорить бесполезно, но всё же найдётся тот, кто слушает.

Се Цзин на словах соглашался, но в душе он чувствовал несправедливость по отношению к князю.

Князь Ци был холоден как лёд к другим, но с ним был очень близок и сердечен. В то время ранг Се Цзина был низок, и он не мог лицезреть императора, поэтому такая дружба глубоко трогала его.

После того как Чжу Линсы взойшёл на престол, положение князя Ци становилось всё более деликатным. Се Цзин, будучи министром-регентом и приближённым императора, всё равно, невзирая на толки, оставался другом князя Ци.

Он обладал твёрдой волей и редко беспокоился о внешних вещах, но отношения между князем Ци и императором вызывали у него тайное беспокойство.

По его мнению, князь Ци был человеком прямым и искренним, бескомпромиссным, почти доходящим до крайности, но определённо был прекрасным другом.

А юный император оказался совершенно неожиданным. Характер у него был мягкий, жизнь скромная, усердный в учёбе, добрый и чистый до самой сути.

(Хотя, кажется, увлечением его были военные походы.)

Некоторые говорили, что это «женская доброта», но добрый государь всё же лучше, чем тиран.

Личности обоих братьев Се Цзин в душе признавал, но до сих пор они казались ему чужими. Ему приходилось остерегаться, как бы кто не воспользовался именем князя Ци для своих дел, и он всегда хотел сблизить их.

Обе стороны он уговаривал, но никто не желал сделать шаг вперёд.

С князем Ци всё понятно — таков уж его характер. Но Чжу Линсы, человек вроде бы безотказный, в вопросе о князе Ци оказался удивительно упрям.

Се Цзин никак не мог этого понять.

И вот теперь князь Ци задал этот вопрос:

— Неужели, Цзюшен, тебе нравится видеть, как я совершаю перед императором коленопреклонённый ритуал подданного?

Се Цзин почувствовал, как голова начинает тянуть.

— Его Величество не любит чинить препонов. Если бы Ваше Высочество сблизилось с ним, все эти слухи и сплетни рассыпались бы сами собой.

Князь Ци улыбнулся, его брови слегка изогнулись, словно далёкие горы, полные печали, окутанные туманом.

— Если бы он родился на десять лет раньше, всего этого бы не случилось.

Эти слова касались престолонаследия, Се Цзину не подобало много говорить. Он знал, что решение покойного императора о наследнике престола сильно ранило князя Ци.

Десять лет, проведённых, радуя отца у его колен, и всё же сам он не был любимым ребёнком. Мысль об этом, должно быть, леденила до костей, и по сравнению с этим трон уже не казался таким важным.

— Императору... тоже нелегко, — после долгого колебания произнёс Се Цзин.

Тогда князь Ци одарил его светлой улыбкой, подобной первому бутону жасмина, свежему и трогательному.

— Вы там, между собой, как хотите ссорьтесь, но к чему втягивать моего брата? Если из-за этого он не вырастет, что тогда делать?

— Кто бы ни возглавил Министерство войны, разница невелика. Проработает там три-пять лет — и станет большим богачом, будь он Фан или Ло.

Уголки губ Се Цзина дрогнули, он хотел что-то сказать, но промолчал.

— Кто сидит на троне, тоже не имеет значения... — голос князя Ци постепенно стих. — Став императором, человек становится лишь императором. Все знают только, что он император, и уже никто не помнит, что это ещё и человек...

В сердце Се Цзина стало тяжело.

Спустя мгновение князь Ци словно вырвался из своих мрачных раздумий и, обратившись к Се Цзину, расплылся в улыбке:

— Я знаю, ты не такой...

— Ваше Высочество... — В душе Се Цзина смешались сотни чувств, и на мгновение он не нашёл слов.

Как раз в этот миг тишины, когда сердце билось ровно, внезапно явился слуга Се Цзина и доложил, что Хэ Сянь потерял сознание в Павильоне Вэньхуа, и после осмотра императорским лекарём прогноз оказался неутешительным — боятся, жить осталось недолго.

Оба были потрясены. Се Цзин поспешно попрощался с князем Ци и отправился в дом Хэ.

Третьего числа четвёртого месяца третьего года под девизом правления Лунцзя, хотя уже наступило лето, мелкий дождь моросил не переставая.

Се Цзин вошёл в Павильон Вэньхуа, и Лу Шэн немедленно велел принести сухое полотенце, чтобы обтереть его, промокшего с ног до головы.

Чжу Линсы стоял у окна, глядя на струйки дождя, и проговорил:

— Этот дождь похож на цинминский.

Се Цзин совершил поясной поклон и сказал:

— Ваше Величество, я проводил Цингу в последний путь.

Чжу Линсы кивнул:

— Посмотри, как я составил этот указ.

Се Цзин взглянул — это был указ жене Хэ Сяня, позволявший ей в будущем свободно вступать в брак, и никто не смел вмешиваться. Стоило лишь слово сказать против — это уже было бы нарушением указа.

Перед кончиной Хэ Сяня Чжу Линсы навестил его в доме Хэ. Тот, хотя и был уже при смерти, сохранял спокойный вид, но сказал, что одна вещь всё ещё не даёт ему покоя.

Жена Хэ Сяня, госпожа Лянь, была также его двоюродной сестрой. Ещё в девичестве она славилась талантами, сопровождала отца во многих поездках по местам его службы, хорошо изучила местные флору и фауну, нарисовала множество ботанических атласов, записывая распространение, свойства растений и классифицируя их.

Оказалось, она ботаник, подумал Чжу Линсы.

Она и Хэ Сянь были друзьями детства, брак их был заранее обговорён. Однако здоровье Хэ Сяня всегда было слабым, потом умерли старшие в семье, и каждый нёс траур, так что поженились они лишь в конце прошлого года.

И то — чтобы «осчастливить» Хэ Сяня.

Хэ Сянь не желал, чтобы она всю жизнь оставалась вдовой, и, зная нравы своей семьи, которые наверняка не позволят госпоже Лянь выйти замуж вновь, обратился к императору с просьбой:

— Дайте Шуин выход.

— Обещаю тебе, — сказал Чжу Линсы, и тревога в глазах Хэ Сяня постепенно утихла, он погрузился в очередное забытье.

Се Цзин взял кисть и поправил несколько иероглифов. Чжу Линсы велел придворному писцу переписать и отправить в дом Хэ, а сам снова повернулся смотреть на мелкий дождь под

карнизом.

Се Цзин уже собирался что-то сказать, но заметил, что на столе позади Чжу Линсы разбросаны несколько листов бумаги для рисования.

На каждом листе был изображён орхидея.

Авторское примечание: Прошу подписываться и оставлять комментарии, о(ε*)

Авторское примечание: Дорогие читатели, прошу подписываться и комментировать~(* 3)(ε *)

<http://bllate.org/book/16200/1454009>